

ЛЕОНИД БЕРШИДСКИЙ

Леонид Бершидский
Ремесло

«Автор»

2013

Бершидский Л. Д.

Ремесло / Л. Д. Бершидский — «Автор», 2013

Книга первого главного редактора газеты «Ведомости», сайтов Slon.ru и Forbes.ua, первого издателя русского Forbes о журналистском ремесле: «Эта книга – про базовые правила, как я их понимаю. У каждого опытного ремесленника своя редакция этого катехизиса, и о тонкостях наших редакций мы можем до хрипоты спорить между собой. Но каждый из нас интуитивно чувствует, когда отклонение от сути правил становится критическим. Если не признается в этом публично – не значит, что не чувствует. Просто пытается подавить дискомфорт апломбом, завалить словами. А от зеркала по утрам будет отворачиваться. Я надеюсь передать читателю это интуитивное ощущение. Чтобы оно появилось, не обязательно со мной соглашаться и уж тем более в чем-либо следовать моему примеру (видит бог, денег вам это не принесет). Обязательно лишь не обманывать себя относительно намерений, которые движут вами при выборе именно этого ремесла. В конце концов, выбирает его сейчас только сумасшедший; всем студентам журфаков, перед которыми мне доводилось выступать, я всегда горячо советовал научиться программировать. Пренебрегли этим советом? Не нашлось в свое время рядом взрослого, который сумел бы дать его достаточно убедительно? Добро пожаловать в один из последних сохранившихся средневековых цехов». Леонид Бершидский

© Бершидский Л. Д., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Предисловие	6
1. Ремесло, а не профессия	9
2. Зачем мы это делаем	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Леонид Бершидский

Ремесло. Главы 1-22

© Леонид Бершидский

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие

У Сергея Довлатова тоже есть книга под названием «Ремесло». Она начинается словами «С тревожным чувством берусь я за перо».

Довлатов с тревогой брался за описание своей литературной карьеры, потому что не был уверен в «поучительности своей исповеди»: в тот момент он еще не был знаменитым автором. Не был даже успешным. Ради «нормального биологического существования» занимался «газетной поденщиной». Но про нее Довлатов написал другую повесть – «Компромисс».

Я не обладаю довлатовским литературным даром, да что уж, – и его благоприобретенной способностью по-аптекарьски отвешивать ровно столько слов, сколько нужно, чтобы рассказать историю. Я оцениваю свой литературный дар реалистично, то есть невысоко. Возможно, поэтому журналистика для меня – главное ремесло. А уже по этой причине я всю жизнь стараюсь избегать в нем компромиссов. Я не могу сказать себе: Леня, ты это делаешь временно, только ради куска хлеба, вот сочинишь великий роман – и все грешки, все срезанные углы тебе спишутся. Насколько мерзка или, наоборот, приятна мне по утрам физиономия в зеркале – напрямую зависит от того, как я практикую мое ремесло.

В результате, в отличие от Довлатова, я уверен в поучительности моей истории. За последние 20 лет я стал соавтором нескольких громких медийных успехов – газеты «Ведомости», российского и украинского проектов корпорации Forbes, сайта Slon.ru – и нескольких не менее ярких провалов: еженедельников «Русский Newsweek» и SmartMoney, неудачного перезапуска журнала «Огонек» в 2005 году. И это еще не все проекты, в которых я участвовал. За эти годы у меня накопились примеры, пожалуй, на все случаи жизни.

Но и я начинаю писать эту книгу с тревогой. И вот почему.

Мое понимание нашего с вами, коллеги, ремесла становится все более экзотическим. Я вырос как журналист и редактор с расхожей в те времена формулой: «Новости – это то, что кто-то хотел бы скрыть. Остальное – реклама». Эту фразу приписывали восьми разным гуру, от Джорджа Оруэлла до лорда Нортклиффа, первого издателя Daily Mail, и Рэндольфа Херста, благодаря которому мир обрел крупный медиабизнес и утратил возможность легально курить марихуану. Никто из этих восьми, кажется, ничего подобного не говорил, по крайней мере, первым. Но какая разница, кто сформулировал аксиому, правда?

Сейчас много желающих поспорить с анонимной мудростью. Или позадавать каверзные вопросы. Например: а если тот, кто не хочет публикации, прав? А тот, кто добивается публикации, – черный пиарщик, состряпавший слив на конкурента? А как же интересы владельца, сохранность его денег, вложенных в другие проекты, и рабочих мест, на эти деньги созданных? Как же интересы страны, в конце концов, мы ведь не хотим дурного нашей родине, или?..

Грань между информацией и рекламой, информацией и пиаром, информацией и пропагандой для многих стала стираться.

Обратная сторона этой медали – постоянно и заметно снижающаяся техническая подкованность журналистов, все меньшее внимание к слову. Нет никакого смысла вылизывать текст, имеющий исключительно служебное значение, проходной, а то и вовсе заказной. Когда ремесленник не может гордиться тем, что делает, он гонит брак.

Для потери ремесленных ориентиров сейчас предостаточно оснований. Не прекращаются разговоры о том, что журналистика как профессия умирает. Теперь ведь каждый может публиковать, что знает и видит, посредничество редакций вроде бы и не нужно. Традиционные бизнес-модели «поплыли», зарабатывать на рекламе, какую мы привыкли видеть в печатных

СМИ, все труднее. А раз апокалипсис, раз конец света – грабь, жги, насилуй гусей! Кому нужны устаревшие правила, стандарты, дурацкое вышивание крестиком?

Разговоры о тонкостях ремесла подменяются футурологией, потому что она сексуальнее – и потому что за футурологические построения отвечать придется в туманном будущем. А скорее через полгода все о них забудут, и можно будет создавать новые, не менее захватывающие.

Кто помнит теперь имена пророков, убеждавших рынок, что скоро сорвут банк мобильные приложения, а сайты умрут? Даже Руперт Мердок, поставивший дорогой неудачный эксперимент с газетой-приложением The Daily, вряд ли может точно сказать сейчас, кто именно его соблазнил.

Как пел Роджер Уотерс,

They flutter behind you, your possible pasts
Some brighteyed and crazy, some frightened and lost:
A warning to anyone still in command
Of their possible future to take care.

Моя тревога – о том, что за разговорами на тему «быть или не быть» мы забываем о простых вещах, без которых ответ «не быть» становится единственным, как ни крути.

В этой книге не обсуждается будущее, потому что оно поливариантно. Теория вероятности, моделирование многофакторных систем – удел ученых. А здесь речь пойдет не о науке, а о ремесле, по сути таком же, как сапожное дело или, скажем, игра на скрипке. Есть множество способов сделать красивую и удобную пару туфель или блестяще исполнить концерт Сибелиуса. Но все эти способы стоят на прочной, простой основе, которую и называют ремеслом. Если сапожник начнет забивать в подошву пятидюймовые гвозди, он наделает дырок в пятках клиента. Как писал Леопольд Моцарт в трактате «О фундаментальных принципах игры на скрипке», если не прижимать инструмент подбородком, «он будет выпадывать».

Для сапожников и скрипачей будущее уже много раз наступало и не изменило основ. Не изменит и для нас: описываемая реальность и приемы описания становятся разнообразнее, но сущность ремесла остается прежней. Это две вещи:

1. Принципы.
2. Техника.

Моя знакомая московская красавица, в начале 90-х вышедшая замуж за рохлю-американца из хорошей семьи, говорила: «Принципов должно быть мало, но они должны быть гибкие». Я согласен с ней только частично, вернее, ровно наполовину.

Я принадлежу – теперь это уже очевидно – к меньшинству, которое считает, что догматичное соблюдение немногочисленных правил, некоего катехизиса – необходимая основа для сохранения нашего ремесла, для того, чтобы оно, как всякое другое, и дальше передавалось из поколения в поколение. И оставалось востребованным.

У каждого опытного ремесленника своя редакция этого катехизиса, и о тонкостях наших редакций мы можем до хрипоты спорить между собой. Но каждый из нас интуитивно чувствует, когда отклонение от сути правил становится критическим. Если не признается в этом публично – не значит, что не чувствует. Просто пытается подавить дискомфорт апломбом, завалить словами. А от зеркала по утрам будет отворачиваться.

Я надеюсь передать читателю это интуитивное ощущение.

Впрочем, оно будет совершенно бесполезным, если не задумываться о технической стороне дела. Правильно скроенный и сшитый текст становится сейчас редкостью – до такой сте-

пени, что скоро умение кроить и шить делается конкурентным преимуществом. Мне бы хотелось обсудить с вами плюсы и минусы перфекционизма.

Опять-таки у каждого ремесленника свои недостижимые идеалы, и о них можно без конца спорить. Со мной не обязательно соглашаться. И уж тем более не стоит бездумно следовать моему примеру: видит бог, денег вам это не принесет. Обязательно лишь не обманывать себя относительно намерений, которые движут вами при выборе именно этого ремесла. В конце концов, выбирает его сейчас только сумасшедший; всем студентам журфаков, перед которыми мне доводилось выступать, я всегда горячо советовал научиться программировать. Пренебрегли этим советом? Не нашлось в свое время рядом взрослого, который сумел бы дать его достаточно убедительно? Добро пожаловать в один из последних сохранившихся средневековых цехов.

Эта книга – ни в коем случае не учебник. С товарищами по цеху, мастерами и подмастерьями, логичнее общаться в старинной форме трактата, приглашающего к спору и размышлению.

1. Ремесло, а не профессия

В журналистику мало кто из настоящих звезд попадает «стандартным» путем – через журфак. У великого Эда Мерроу (см. фильм *Good Night and Good Luck*) не было журналистского диплома: в колледже он специализировался на ораторском искусстве – да, такая специальность была в те блаженные времена. У легендарной Анны Винтур (см. фильм *The Devil Wears Prada*), хоть она и дочь главного редактора ежедневки, вообще никакого диплома нет: работать она начинала в бутиках, а в *Vogue* попала редакционной ассистенткой. В постсоветской Москве лучшие главные редакторы тоже никогда формально журналистике не учились. Татьяна Лысова, главред «Ведомостей», программист. Елизавета Осетинская, главред «Форбса», экономист. Андрей Васильев, с чьим именем связаны лучшие годы «Коммерсанта», учился в институте химического машиностроения, но диплома счастливо избежал. Основатель русского *Cosmo* Елена Мясникова – филолог-германист, специалист по голландскому языку. Владислав Бородулин, создатель Газеты.ру, авиационный инженер.

Есть, конечно, исключения. Блестящая Эвелина Хромченко, не только создавшая русский *L'Officiel*, но и дублировавшая главную героиню в фильме про дьявола и *Prada*, окончила журфак МГУ, да еще с красным дипломом. Леонид Парфенов учился журналистике в Питере. Евгения Альбац, прославившаяся фразой «Вон из профессии» в адрес журналистки, выступившей с посмертной критикой Анны Политковской, – выпускница журфака МГУ. Впрочем, Анна Арутюнян, которой было адресовано это самое «вон», тоже училась журналистике – в Нью-Йоркском университете.

У меня журналистского образования нет, и я считаю, что перечисленные в предыдущем абзаце личности стали журналистами не благодаря, а вопреки его наличию.

В декабре 2005 года критик Александр Тимофеевский, один из основателей «Коммерсанта» и непререкаемый авторитет для «культурных» журналистов, опубликовал в журнале «Эксперт» статью под названием «Факультет ненужных вещей». В ней он объяснил, что и сам он, тогда главред сайта *globalrus.ru*, и другие известные ему редакторы неохотно берут на работу выпускников журфака МГУ. «Журфаковцы заработали твердую, неколебимую репутацию, – писал Тимофеевский. – Все знают, что в графе „Ожидания по зарплате“ у них стоят цифры с алогичным числом нулей. Оправившись от первого смущения, редактор заглядывает в графу „Какую должность вы хотели бы занимать?“. Никто не желает становиться репортером. Волчья работа, тяжкая жизнь – ноги кормят, а они, знаете ли, не казенные. Зато хотят заниматься „пиаром и рекламой“ и очень удивляются, узнав, что эти отделы к редакции не относятся. Как так? Почему?»

Я и сам столкнулся с чем-то подобным, когда читал лекции людям, получавшим на журфаке второе высшее образование.

Тимофеевский не мог обойти вниманием и вторую проблему журналистского образования: большинство выпускников покидают вуз законченными невеждами. Он цитировал знакомого редактора: «Одна девочка пришла к нам устраиваться экономическим обозревателем, и ее попросили для начала перечислить основные мировые валюты. Она же в обменник ходит, как мы ходили в булочную. Но на вопрос не ответила: дошла до трех и запнулась. Была изгнана и удалилась, негодуя, так и не поняв, где оплошала». Впрочем, судя по постановке вопроса, редактор и сам закончил журфак. Несчастной выпускнице надо было бы переспросить, имеет ли он в виду валюты резервные, и если да, то с точки зрения какой организации. Не думаю, что он смог бы ответить.

Я видел не только невежественных выпускников журфака, но и дислексичных. Откуда они берутся, я понял, прочитав в 2009 году в «МК» интервью доцента кафедры стилистики русского языка журфака МГУ Анастасии Николаевой (эту кафедру долгое время возглавлял

Дитмар Эльяшевич Розенталь, главный авторитет по части правил русского языка для всех на нем пишущих). С ужасом говорила Николаева о результатах проверочного диктанта, который написали в тот год только что набранные первокурсники. «Ну что такое, например, по-вашему, рыща? Рыться, – вспоминала она прочитанное. – Или, скажем, поциэнт, удастса, врочи, незнаю, генирал, через-чюр, оррестовать. Причем все это перлы студентов из сильных 101-й и 102-й групп газетного отделения. Так сказать, элита... По сути дела, в этом году мы набрали инопланетян».

Откуда бы ни прилетели эти люди, журфак способен лишь усугубить их проблему. Понятно, что и в технические вузы поступает много бездарных будущих инженеров, программистов и математиков. Но при известном старании их можно чему-то научить традиционными методами: лекции, семинары, практические занятия. Писать, редактировать и уж тем более собирать информацию так не научишь. Зато можно на пять лет отложить как осознание собственной непригодности, так и необходимые для ее преодоления меры.

Все известные мне хорошие журналисты, по молодости зачем-то решившие получить профильное образование, переставали посещать вуз не позже третьего курса и начинали работать в настоящих редакциях. То есть, по сути, шли в подмастерья к тем, у кого в цехе уже был какой-то статус. Приемы журналистской и редакторской работы нельзя объяснить – их можно только показать на личном примере.

Я тоже начинал подмастерьем – у Фена Монтейна, московского корреспондента газеты *The Philadelphia Inquirer*, одной из старейших и самых качественных в Америке городских ежедневков. То было время, когда такие издания старались не экономить на иностранных новостях и отправляли в заграничные бюро лучших репортеров, уже доказавших свою ценность дома. Мне было неполных 18, когда я, студент иняза, позвонил в московское бюро газеты и спросил, не нужен ли там переводчик. В то время, в 1990-м, корпункты как раз избавлялись от навязанных им советским МИДом услуг Управления по обслуживанию дипкорпуса (УПДК): специалисты, которых оно поставляло, были, кажется, скорее нацелены на стук куда следует, чем на помощь формальным начальникам из западных газет, журналов и агентств. Так что меня наняли – за \$175 в месяц. Мой английский тогда оставлял желать лучшего, но в Москве вообще мало кто знал язык хорошо. Зато я готов был работать сутками и учиться. Фен отдавал мне бесчисленные кассеты с интервью, записанными в поездках по Советскому Союзу, а я переводил то, что было на пленках – сначала дословно, потом, когда Фен разрешил, – то, что мне казалось важным. Я часами корпел над косноязычными речами колхозных председателей, первых по-настоящему избранных депутатов, генералов, обычных людей с улицы. В тексты Фена из десятков страниц расшифровок попадали три-четыре цитаты. Иногда не попадало вообще ничего. Но я все лучше понимал, как нужно строить интервью, что спрашивать, какие выводы делать, как упаковывать то, что узнал, для читателя. Постепенно Фен стал доверять мне репортерскую работу. Во время путча 1991 года, когда Фен в одиночку писал первую полосу газеты – да, распад СССР был в Филадельфии главной новостью, – я уже упоминался как его соавтор.

По той же схеме в Средние века люди учились ткачеству или бочарному ремеслу. Фен весело помывкал мной, как какой-нибудь мастер-краснодеревщик пацаном, которого родители отдали ему в обучение. Я не знал, что такое нормированный рабочий день, и иногда засыпал, положив голову на стол (тексты сдавались по филадельфийскому времени). Благо я был молод и мог без особого риска употреблять стимуляторы. «Что ты сегодня принял?» – бодро интересовался начальник, вываливая на стол пару-тройку книг, из которых мне предстояло извлечь бэкграунд для очередного текста.

Профессия? У меня ее не было. А вот ремесло я постигал, как сказали бы американцы, *the hard way*.

Вице-президент Гильдии издателей Василий Гатов, которого многие считают медиа-гуру, – кстати, сам учившийся на журфаке МГУ, – писал недавно в своем блоге postjournalist.ru:

«Я убежден в ремесленной природе основной контентной специальности – журналиста/репортера. По-моему, это не та профессия, которая требует глубоких теоретических знаний и знакомства с фундаментальными процессами языка, культуры и литературы. Это несколько наборов ремесленных знаний – „делай раз, делай два, делай как я“ – и, кстати, еще и жесткая система ремесленных ограничений и этических правил-аксиом. В режиме ПТУ у работающего станка научить им в разы проще и в десятки раз полезнее, чем в аудитории вуза».

Дальше Гатов предлагал на гипотетическом журфаке будущего создать несколько полноценных, «взрослых» редакций или медиапредприятий, где мог бы функционировать «режим ПТУ». Я тоже верю в такой способ обучения, но это, конечно, паллиатив. Подмастерье должен получать не стипендию, а реальную зарплату, напрасившись к тому мастеру, которому он хочет помогать и который может передать ему необходимые навыки. Так было устроено у учеников Рембрандта, например, – да любого средневекового художника.

Ремесло – это не профессия, а вот именно набор навыков ручной работы. Чтобы приобрести его и с успехом использовать, конечно, необходим талант. Рембрандт не принял бы в ученики Говерта Флинка, не будь он талантливым молодым человеком.

Хорошо, а как тогда быть с профессией? Профессия журналиста, в отличие от ремесла, – это то, о чем он пишет. Я глубоко убежден, что о музыке может хорошо писать только человек с хорошим музыкальным образованием, о науке – человек с навыками и подходом ученого, о бизнесе – тот, кто хорошо понимает его устройство.

Та же Альбац получила профессию позже, чем научилась ремеслу: защитила в Америке диссертацию как политолог.

Моя профессия – бизнес. Я приобретал ее целенаправленно, читал книжки, получил степень магистра управления в хорошей бизнес-школе, а к 40 годам успел и поработать в разных компаниях на должностях, позволявших мне разобраться в тонкостях дела.

Откровенно говоря, заниматься бизнесом мне нравится меньше, чем журналистикой. О мотивации журналиста-ремесленника речь пойдет ниже, пока же достаточно сказать, что эта мотивация у меня сильнее, чем материальная или деловая. Многие хорошие журналисты пишут о сферах человеческой деятельности, которые им интереснее наблюдать снаружи, чем изнутри. Я встречал репортеров, которые вполне могли бы работать менеджерами в нефтяных или торговых компаниях, заниматься фундаментальной наукой, работать кодерами в какой-нибудь Google – но предпочитают писать о людях, которые всем этим занимаются. У них, помимо журналистского ремесла, есть профессия – но они берегут эту профессию от себя, потому что ремесло им ближе и дороже.

А вот без настоящей профессии заниматься нашим ремеслом – дело неблагодарное и часто травматичное и для самого журналиста, и для его источников.

2. Зачем мы это делаем

Организация Internews, когда-то работавшая и в России, но изгнанная орками, когда Москва начала превращаться в Мордор, пока присутствует в Киеве и пытается там обучать молодых журналистов правилам ремесла. Участница одной из недавних программ, 21-летняя студентка 4-го курса журфака, так отвечала на вопросы анкеты:

– Какой ты себя видишь в 30?

– Іду я уся така гарна по редакції, і костюмчик на мені брендовий, і сумочка також... А в голові теж 17-ти річне дівчисько, яке любить пригоди, подорожі, але тепер ще із собою тащить діточок та чоловіка...

– Почему ты решила выбрать профессию журналиста?

– На журналісточку мене підштовхнула доля, саме вона не дала поступити мені в університет Карпенка Карого на таку омріяну артисточку, а залишила у Черкасах на більш практичну, але не менш цікаву журналістику.

С одной стороны, соблазн отчитать легкомысленную дівчину велик. С другой, греет душу, что кто-то еще считает наше ремесло хоть немного «практичным». К тому же я по опыту знаю, что и «брендовый костюмчик», и «сумочка також», и путешествия-приключения в компании мужа и детей – вполне возможны для тридцатилетней журналистки; я много лет проработал в Independent Media, пионере и впоследствии лидере российского глянцевого рынка, и видел этих девушек, всегда идеально накрашенных, с прическами волосок к волоску и признаками постоянного анального напряжения на лицах. Это они придумывают тексты типа «31 способ доставить ему удовольствие» и опрашивают красавчиков-холостяков на тему «что их больше всего раздражает в девушках». Я не то что не испытываю к ним презрения, а знаю, что они умеют делать то, чего я не умею. Писать об отношениях, шмотках, косметике так, чтобы не раздражать целевую аудиторию – девушек часто менее сведущих и гламурных, но завистливых и придирчивых – это ремесло со своими законами и не всем ведомыми приемами.

Для постигших его костюмчик, сумочка и семейные путешествия – не предел. Татьяна Арзиани, один из лучших в Москве глянцевых редакторов, как-то вспоминала свою работу в Elle с главным редактором Еленой Сотниковой: «Подбегает Лена и говорит: срочно летишь в Барбадос! Должна была я, но не могу – срочно надо в Милан. И вот я все бросаю и через сутки уже на вилле Черчилля, попиваю коктейль, сочиняю текст».

Так что у девушки из Черкасс вполне годная мотивация, которая может привести к плодотворной карьере в глянце, если молодая журналистка не свернет с пути в какой-нибудь пиар. И вообще хорошую карьеру в журналистике можно сделать, пожалуй, почти с любой мотивацией, только разобраться в своих резонах имеет смысл на берегу. То есть пока не поздно.

Основных причин для выбора любой профессии, пожалуй, четыре:

– генетическая склонность;

– деньги;

– социальная полезность;

– авантюризм.

И наше ремесло выбирают по этим же причинам. И часто горько разочаровываются – а учиться чему-то новому уже не хотят или не могут. Поэтому среди действующих журналистов так много пьяниц, а среди бывших – пиарщиков.

ТАЛАНТ

Сложнее всего, пожалуй, разобраться с генетической склонностью. К чему, собственно, она должна быть у журналиста?

Логично предположить, что в первую очередь – к общению. Плохому коммуникатору осваивать ремесло непросто: приходится все время вступать в контакт с незнакомыми людьми, многие из которых враждебно настроены к прессе и говорить ничего не хотят. Этим людям надо так задавать вопросы, чтобы им стало интересно отвечать, иначе репортер получит только то, что ему изначально хотят сказать – а это рецепт скучных, мало кому нужных и в основном неэксклюзивных текстов.

Впрочем, отсутствие коммуникативного дара – не препятствие для практики нашего ремесла. Знаю это по себе: я почти аутист.

Заговорить с незнакомым человеком с детства было для меня труднопреодолимой проблемой. Подходить к чужим людям на улице и спрашивать их о политике – такое до 17 лет могло привидеться мне разве что в кошмарном сне. Я панически боялся снять телефонную трубку, чтобы позвонить даже туда, где ждали этого звонка. Болезненно смущался, задавая вопросы о том, что мне было плохо знакомо, – а вдруг покажусь дураком? Пугался агрессии со стороны собеседников: столкнувшись с ней, больше всего хотел закрыть голову руками, ничего не видеть и не слышать.

Я вполне осознал эти мои проблемы еще подростком. Зачем же я занялся журналистикой? Сделал ставку на другие природные способности, которые, в принципе, тоже могут пригодиться в этом ремесле.

Я всегда довольно ловко обращался со словами на обоих языках, которые хорошо знаю, – русском и английском. Кроме того, я люблю возиться с данными, искать закономерности в статистических отчетах и аберрации – в отчетности компаний. Мне интересна наука, и я с удовольствием читаю академические тексты. Мне всегда нравилось рисовать графики и придумывать для мыслей визуальные формы: в детстве я долго учился рисовать.

Когда я попал в журналистику, то быстро понял, что эти способности хорошо развиты мало у кого из коллег. Потому что они как раз – в первую очередь коммуникаторы. Способности к сочинению связных текстов и анализу сопутствуют коммуникационному дару, пожалуй, в одном-двух случаях из десяти. «Писатели» и «аналитики», как выяснилось, быстрее коммуникаторов становятся редакторами и делают в журналистике полуадминистративную карьеру. Так случилось и со мной; репортером я был средним, а редактор и колумнист из меня вышел конкурентоспособный.

Правда, преодолевать страх общения все равно пришлось. В любом ремесле нельзя перепрыгивать через ступеньки. В нашем деле миновать репортерский этап и сразу оказаться редактором получалось лишь у так называемых рерайтеров издательского дома «Коммерсантъ», попавших в газету за умение хорошо писать и «ремонтировать» тексты, принесенные малограмотными коммуникаторами, да еще у некоторых «глянцевых» журналистов, которым репортерский опыт заменяли чувство стиля и связи в модной тусовке. Впрочем, та же Елена Сотникова, например, работала когда-то в деловой журналистике – писала о рынке металлов в агентстве Reuters. Теперь и не скажешь.

Единственный способ заставить себя делать что-то, к чему не лежит душа, – зажмуриться и прыгнуть. Я поступал так каждый раз, когда приходилось собирать информацию из «живых» источников. Помню, как вскоре после свержения Звиада Гамсахурдиа в Грузии ходил по улицам Тбилиси с заданием узнать мнение простых горожан о победителях из движения «Мхедриони», которое возглавлял мафиозный дон Джаба Иоселиани. Тбилисцы шарахались от меня: никто не хотел говорить об Иоселиани, державшем в страхе всю страну. Я брел понуро, почти уже в отчаянии, по проспекту Руставели, как вдруг увидел остановившегося перед витриной колоритного грузина с суровым, заросшим седой щетиной лицом, в кепке-«аэродроме» и с рюкзаком за плечами. Это явно был гость столицы.

Я спросил его про Иоселиани.

– Этот твой Джяба, – отдельно произнес человек в кепке, строго глядя мне в глаза, – этот твой Джяба – мафьоз и керымынал.

Я очень жалел потом, что в журнале Newsweek, на который я тогда работал, невозможно передать этот акцент: трудности перевода.

Чем лучше я понимал, что такое случайное общение и «холодные» звонки дают колорит и фактуру, которые и не выдумаешь, и не раскопаешь в писанных источниках, тем легче мне становилось преодолевать страх.

Помню еще, как попал в бизнес-журналистику – в 1994 году в англоязычной газете The Moscow Times меня перевели в бизнес-отдел, где тогда не хватало кадров. Первый текст мне предстояло писать про аукцион ГКО – государственных краткосрочных обязательств, ценных бумаг, по которым Россия в 1998 году объявила дефолт. Я понятия не имел, что такое ГКО и вообще рынок долговых бумаг; до этого я писал о политике и «социалке». Редактор дал мне телефон на клочке бумаги: «Вот, позвони этой женщине, она все объяснит». И убежал по делам.

По обыкновению, я долго мял в руках бумажку, прежде чем осмелился набрать номер и смиренно попросить женщину, которая ответила после первого же гудка, объяснить мне про ГКО, чтобы я мог выполнить редакционное задание. Тяжело вздохнув, женщина пустилась в объяснения, так что минут через 20 я представлял себе, какие вопросы и кому дальше задавать.

Ее звали Белла Ильинична Златкис – в то время она работала начальником департамента ценных бумаг Минфина; именно она создавала в России рынок госдолга. Теперь она зампред правления Сбербанка. За тот первый урок я благодарен ей до сих пор.

Мне по-прежнему некомфортно общаться с незнакомыми людьми, но я научился себя заставлять, так что со стороны мои трудности почти незаметны. Хотя настоящие коммуникаторы, легкие в общении люди с высоким эмоциональным интеллектом, конечно, дают мне в такой работе сто очков вперед.

Те полезные качества, которые достались мне от природы, кому-то тоже приходится мучительно в себе развивать. Впрочем, есть еще вариант – сделаться незаменимым, обходясь без этих свойств. Так вышло с одним из моих любимых репортеров из первого состава «Ведомостей», Сергеем Рыбаком. Это его фраза «Нет никаких предпосылок для снижения оснований», написанная на полном серьезе в каком-то тексте про рынок пива, несколько лет красовалась над входом в старое помещение редакции. Сняли ее, кажется, только въехавшие потом в здание на Выборгской, 16, сотрудники газеты «Жизнь».

Сергей был до того хорошим коммуникатором, что некоторые участники «его» рынков, – рекламного и слабоалкогольных напитков, которые Рыбак однажды назвал в тексте «слабобезалкогольными», – считали, что его фамилия – коллективный псевдоним целой агентурной сети. Он приносил эксклюзивы с пугающей регулярностью и попадал с ними на первую полосу – но лишь после того, как я или кто-то из других редакторов убивал не меньше трех часов на переписывание его материала. Сергей был – и, думаю, остается – совершенным дислексиком. Как, к примеру, Джон Леннон. Обливаясь потом, я отправлял отредактированные тексты Рыбака в корректуру, где что-то случайно не вычищенное заставляло бывших учительниц литературы кататься по полу в пароксизмах то ли гнева, то ли безудержного веселья.

Вот День Рыбака – это День Рыбака!

Рыбак в этот день бесподобен

и божьему лику подобен,

Рыбак в этот день – на века, —

вспоминали мы почти каждый день стихотворение Д. А. Пригова. Сергей знал, что с его текстами что-то не так. Он пытался работать над собой, читал учебники и русскую классику, отчего начинал изъясняться стихами – но ничего не мог поделать.

Приходило ли нам в голову уволить Сергея? Да ни за что! Это был блестящий, практически незаменимый репортер.

Полный набор природных способностей, нужных для успеха репортера, мне приходилось наблюдать у одного человека крайне редко. Нет, несколько таких случаев было, и я запомнил их на всю жизнь. Но умение логично писать и коммуникативный дар – по моему опыту обычно взаимоисключающие вещи. А тяга к анализу и дата-майнингу почти не сочетается ни с одним из этих двух талантов.

Один мой знакомый главред неофициально делил своих репортеров на «звонилки», «писалки» и «землероек». В идеале ему удавалось засадить за работу над одним большим текстом журналистов всех трех типов – и текст получался выдающийся.

Думаете, что у вас есть способности к журналистике? Мне кажется, тут важно отдавать себе отчет, какие именно. И отсутствие каких вам придется с кровью и зубным скрежетом преодолевать.

ДЕНЬГИ

Вопрос о том, можно ли в журналистике заработать, насмешит, пожалуй, любого работающего журналиста. Даже если у ремесленника сложилась вертикальная карьера и он, скажем, главред большого СМИ, он не так уж редко общается с людьми, у которых в разы, а то и на порядки больше денег – всякими там капитанами индустрии, коррупционерами, поп-звездами, спортсменами. Главред вроде как тоже важная фигура и опинионмейкер. Но он в большинстве случаев просто человек на зарплате, достаточной для комфортной, но без особого роскошества жизни. Те, с кем он регулярно видится по работе, – люди со своими самолетами и яхтами, дворцами и футбольными клубами.

Эта напасть преследует журналиста – особенно делового или глянцевого – на всем протяжении его карьеры. Люди, которым он задает вопросы, значительно богаче его. Наше ремесло – не для завистливых; репортер, испытывающий классовую ненависть к источникам, производит неприятные тексты. Неприятные для всех независтливых людей, я имею в виду.

Небогатый человек с большими связями – а именно таков хороший журналист – постоянно подвергается соблазнам. Ему не только норовят предложить деньги, чтобы он что-нибудь написал или, наоборот, придержал (такие ситуации – предмет для отдельного обсуждения); он постоянно оказывается «в нужное время в нужном месте», одним из первых узнает о новых бизнес-идеях и возможностях, знает, у кого (хотя бы теоретически) можно раздобыть денег.

Иногда его зовут в бизнес, о котором он пишет – и не пиарщиком, а кем-то полезным.

Однажды и я не устоял против такого соблазна. Когда я работал главным редактором журнала SmartMoney, мне вдруг позвонил Александр Винокуров, гендиректор банка «КИТ Финанс», тогда только что ворвавшегося в первую тридцатку в России, и предложил зайти к нему поговорить о работе. Моя первая реакция была – на ловца и зверь бежит: я сказал, что работа у меня есть и предложил взять у Винокурова интервью. КИТ был интересной для финансового журналиста конторой: в его совете директоров были и питерские метростроевцы, и какой-то загадочный дагестанец-аспирант – никаких олигархов; между тем банк быстро рос, только что продал европейской группе Fortis крупную долю в своей управляющей компании и неожиданно для всех ринулся в ипотечное кредитование, обгоняя в этом деле гораздо более крупных игроков. Да и сам Винокуров, кандидат в список Forbes, был нетипичным персонажем: этакая поп-звезда с белозубой улыбкой и по-студенчески простыми манерами.

На интервью Винокуров согласился. Я приехал в только что обжитый московский офис банка на Знаменке, прямо напротив Кремля, расспросил его и ушел. Винокуров заикнулся о

цели своего звонка, но я остановил его: предстояло еще писать текст, и я боялся, что если он предложит что-то соблазнительное, статья выйдет необъективной.

На самом деле мое решение все-таки писать текст было этически сомнительным. Конечно же, я хотел услышать предложение Винокурова; могло ли это заставить меня писать о нем мягче, чем нужно? Да, и я видел в этой ситуации конфликт интересов. Оттого с удвоенной силой старался написать беспристрастно. Некоторые из читателей потом упрекали меня, что текст вышел комплиментарным. Сам я так не считаю: в нем было прямо сказано, что банк сильно рискует, финансируя выдачу ипотеки «короткими» деньгами. В общем, за этот текст мне не стыдно – хотя не знаю, стал ли бы его писать я нынешний. Чем старше становишься, тем больше сомневаешься в способности контролировать себя по гамбургскому счету.

Так или иначе, я сдал статью коллеге Александру Малютину: в SmartMoney мы, редакторы, правили друг друга.

Прочитав текст в журнале, Винокуров сказал мне, что есть у банка риск и побольше. Уточнять не стал, – а я теперь понимаю, что надо было расспросить поподробнее. Но в тот момент было не до того: Винокуров не отказался от идеи звать меня на работу – придумывать новую концепцию для розницы КИТа. Оказалось, что он прочитал мою колонку – довольно наивный, как я теперь понимаю, текст про финансовый супермаркет будущего, в котором банковские, страховые и инвестиционные продукты будут продаваться, как еда в магазине. И хотел, чтобы я помог ему построить что-то подобное.

Мне было не просто лестно – меня брали на «слабо». Когда прозвучала должность – управляющий директор – и Винокуров упомянул о компенсационном пакете, я окончательно поплыл. Таких денег журналистикой было не заработать.

Этому эпизоду я обязан следующим пассажем в «Википедии»: «В 2007 году по приглашению предпринимателя Александра Винокурова ушёл в бизнес – был управляющим директором близкого к министру финансов Алексею Кудрину банка „КИТ Финанс“, позднее генеральным директором инвестиционно-банковского холдинга „КИТ Финанс“. В 2008 году вместе с Винокуровым покинул свой пост – холдинг находился накануне банкротства, которое удалось предотвратить благодаря государственной поддержке в размере \$4,4 млрд».

На мой взгляд, в этом абзаце много неправды: проработав два года в КИТе, я не обнаружил никаких признаков его близости к Кудрину и точно знаю, что, когда после банкротства Lehman Brothers дела у банка стали совсем плохи, Кудрин не горел желанием его спасти. Да и «господдержка», пришедшая в КИТ в основном через РЖД, была далеко не безвозмездной: банк потом расплачивался по кредитам, как и, например, какой-нибудь Goldman Sachs, которому чуть позже предоставило помощь американское правительство. В любом случае, нас, акционеров КИТа (на момент кризиса я владел уже маленьким пакетом его акций), не пощадили: приватизация прибылей и национализация убытков – это совсем не про нас.

В банке все складывалось неплохо, и я был, по любым меркам, очень обеспеченным человеком. Но я не жалею о странном скачке из журналистики в банкинг совсем по другой причине: когда у нас с Винокуровым отобрали акции КИТа, мы затеяли проект Slon.ru. Кто сильнее – слон или кит? Для меня ответ на этот вопрос однозначный: конечно, слон! В Slon.ru я научился множеству вещей, о которых еще пойдет речь в этой книжке. Два года в роли банковского менеджера были, как вспоминается теперь, на редкость некомфортными. Человек, по-настоящему приверженный нашему ремеслу, вне его чувствует себя не в своей тарелке. Но такое продолжение того стоило.

И все же я считаю, что правильный журналист должен уметь сопротивляться соблазнам вроде того, которому не смог противостоять я. В большинстве случаев причудливую траекторию типа «КИТ – Slon» повторить не удастся. Деньги-то, допустим, заработаются, и даже большие. Но исчезнет то, благодаря чему они пришли: возможность постоянно общаться с разными страстными, необычными, выбивающимися из общего ряда людьми.

То, что журналист может конвертировать в деньги, – позиция камня в бурном потоке, который несет мимо и крупницы золота, и коряги, и барахтающихся зверушек – одна из главных ценностей нашего ремесла. Она, как и почти все в жизни, подлежит обмену на универсальный эквивалент. Но для того, кто оказался в ремесле не случайно, она дороже денег. Сколько стоит возможность дотянуться практически до кого угодно и задать свои вопросы? Или, например, высказать свое мнение так, чтобы о нем узнали десятки тысяч людей? Мой ответ: точно больше тех денег, которые я зарабатывал в КИТе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.